

Shcherbatykh, Yu. V. (2006) *Problemy klassifikatsii ekzistentsial'nykh strakbovykh lichnostey. Natsional'nyye proyekty kak faktor sozidaniya sovremennoy Rossii : sb. nauch. trudov regional'noy mezhvuzovskoy nauch. konf. Voronezh, VF MGEI*. P. 176–178.

Submission date: 12.05.2025.

Резник Юрий Михайлович — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН, вице-президент Российского философского общества. Адрес: 109240, Российская Федерация, г. Москва, ул. Гончарная, 12, стр. 1. Тел.: +7 (495) 609-90-76. Эл. адрес: reznik-um@mail.ru

Reznik Yuri Mikhailovich, Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Vice President, Russian Philosophical Society. Postal address: 12, Goncharnaya St., Bldg. 1, Moscow, Russian Federation, 109240. Tel.: +7 (495) 609-90-76. E-mail: reznik-um@mail.ru

DOI: 10.17805/zpu.2025.2.5

О конечном пункте «бегства от свободы» современного человечества

А. А. ГОРЕЛОВ

ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ РАН,

Т. А. ГОРЕЛОВА

МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

В статье рассматривается проблема свободы, представленная Эрихом Фроммом в его работе «Бегство от свободы» (1941). Размышления Э. Фромма на тему свободы пробуждают интерес к этой проблеме и через десятки лет. Понятие «свобода» не имеет однозначных философских трактовок. По происхождению оно восходит к индоевропейской основе *se-, sue-* (свой, себя). В Библии свобода рассматривается в двух аспектах: в социальном — как освобождение от рабства и в духовном — как внутреннее освобождение человека. В статье проводится анализ различий в понимании свободы в европейской и русской культуре.

Согласно Э. Фромму, человечество в процессе социальной эволюции и эволюции сознания разрушает первичные связи с природой, что сопровождается, с одной стороны, овладением ею, возрастанием роли разума, но, с другой стороны, усилением чувства бессилия и ничтожности отдельного человека. Авторы статьи выделяют три измерения системы «Свобода» — телесно-физическое (архетипическое), психосоциальное и духовно-культурное. «Телесная» свобода предстает как разница между генетико-физиологическими возможностями и такого же рода ограничениями. На психосоциальном уровне, согласно Фромму, рождаются негативные тренды, олицетворяющие «бегство от свободы» — авторитаризм, разрушительность, автоматизирующий конформизм. Настоящая реализация свободы возможна только на духовном уровне, когда замыкается триединство «Творчество ↔ Поиск истины ↔ Поиск смысла», в котором существование одного состояния без другого невозможно, а связи между ними имеют бесконечное количество степеней свободы.

Колебания духовной и телесной свободы в разные эпохи и в разных цивилизациях создают образ «качелей духа и тела»: чем сильнее человек устремляется к телесной свободе, тем более ограниченной становится его духовная жизнь — телесная перекладина качелей взлетает сама по себе, опуская духовную в низшее положение.

Ключевые слова: свобода телесная, психосоциальная и духовная; творчество; смысл; истина; самотворчество

ВВЕДЕНИЕ

Прошло более 80 лет с момента публикации книги Э. Фромма «Бегство от свободы» (1941), которая остро поставила вопросы: что такое свобода и почему от нее бежит человек? Идеи «бегства от свободы», представленные выдающимся психоаналитиком, получили неоднозначную общественную реакцию. Одобрение выразили М. Мид, Э. Монтегю, Д. Макдональд. Другие психоаналитики, например К. Меннингер и О. Фенихель, ее раскритиковали. Высказанными до Э. Фромма альтернативными точками зрения можно считать концепции З. Фрейда, полагавшего, что поведение человека в большей степени управляется бессознательными мотивами, т. е. свободы как осознанного поведения фактически нет, и концепцию К. Маркса, считавшего человека продуктом социума, поведение которого полностью определяется социальными условиями. В своей книге Э. Фромм стремится избежать крайностей детерминизма — бессознательного и социального, отмечая, что социальные факторы влияют на поведение, но подсознательные мотивы (именно в силу их неосознаваемости и бесконтрольности) также имеют большое значение.

Размышления Э. Фромма на тему свободы пробуждают интерес к этой проблеме и через десятки лет. Невольно возникают вопросы: «Что не так со свободой?», «Куда от нее бежит человечество?» и «Каков механизм убегания?».

СВОБОДА КАК ЦЕННОСТЬ

Слово «свобода» слишком широкое по смыслу и не имеет однозначных философских трактовок. По происхождению оно восходит к индоевропейской основе *se-, sue-* (свой, себя), т. е. указывает на его изначальную связь с принадлежностью к определенному сообществу (роду, племени, народу). В церковнославянском языке «свобѣство» означает то же самое — принадлежность своим, общность, личность. Отсюда родственная связь с существительным «слобода» (Этимологический словарь Семенова: Электронный ресурс).

Согласно Толковому словарю В. Даля, свобода — это в разных славянских наречиях «слобода», «свободь», «своя воля, простор, возможность действовать по-своему; отсутствие стеснения, неволи, рабства, подчинения чужой воле. Свобода — понятие сравнительное; она может относиться до простора частного, ограниченного, к известному делу относящемуся, или к разным степеням этого простора, и наконец к полному, необузданному произволу или самовольству (Словарь Даля: Электронный ресурс).

В римской мифологии «*Libertas*» являлось аллегорическим олицетворением жизни — приятной и беззаботной, как у Юпитера (Либеры и *Liber Pater*). Позже *Libertas* стало названием божества полноправных римских граждан, в честь которого возводились храмы и святилища (Энциклопедический словарь ... : Электронный ресурс).

В Библии понятие свободы рассматривается в двух аспектах: в социальном — как освобождение от рабства и зависимости и в духовном — как внутреннее осво-

бождение человека. В Ветхом Завете отмечено, что Бог запретил рабство среди израильтян (Исх 21:2; Втор 15:12–15; Иер 34:8–17). Новый Завет рассматривает духовную свободу как дар, исходящий от Бога-Отца (Рим 6:17, 18), Его сына Христа (Ин 8:34–36; Гал 2:4; Гал 5:1) или Духа Святого (Рим 8:15; 2Кор 3:17). Она освобождает человека от страха (Рим 8:15), в том числе от страха смерти (Евр 2:15), от закона как необходимости (Рим 7:6; Гал 3:23–25; Иак 1:25) и от проклятия закона (Гал 3:13,14). Духовная свобода рождает новое состояние человека (Пс 118:45), благодарность Богу (Пс 115:7,8), потребность славить Его (1Кор 10:31) и служить людям (1Кор 9:19–23; 1Кор 10:32,33). Поскольку дух и плоть находятся в постоянном раздоре между собой, чувство свободы не может стать поводом к угождению плоти, которая не должна управлять человеком (1Кор. 6:12; 8:9; Гал. 5:13) (Библия: Тематический словарь, 2005: Электронный ресурс).

В китайской культуре понятие «свобода», согласно современным исследованиям китайских историков, возникает во II в. н. э. для обозначения поведения, не соответствующего нормам морали и этикета (Дубкова, 2021: Электронный ресурс). Позже под влиянием буддийских сутр меняется иероглиф и смысл слова, приобретая оттенок «духовного освобождения» и самосовершенствования. В начале XX в. в культуру проникает европейская трактовка — «либерализм». В последней, самой современной, трактовке «только следование закону позволяет достичь настоящей свободы, под которой... понимается возможность свободного передвижения и достижения богатства» (там же).

В индийской культуре изначально понимание свободы определяется стремлением выйти за пределы «Я» ради познания высшей реальности, как подчеркивается в Бхагавадгите. «Свобода есть расширение нашего сознания во всеобщее сознание, — писал Радхакришнан, — распространение нашего чувства и симпатии на все сущее» (цит. по: Пунтамбекар, 2018: Электронный ресурс). Свобода в индийской философии выражается в покое и равновесии человеческой души, после круговорота смертей и рождений возвращающейся к центру вселенной. Индийский политолог Ш. В. Пунтамбекар в «Индусской идейной концепции прав человека» (1947) указывал, что «нужно отказаться от некоторых предубеждений материалистической науки и ограничений рациональности, которые делают человека слишком приземленным, и предложить человечеству более высокие ценности и установки» (там же). Духовные ценности изначально были основными в индийском понимании свободы. Ману и Будда определили пять свобод, одновременно являющихся социальными гарантиями: гарантия ненасилия (Ахимса); гарантия защиты от бедности (Астейя); гарантия защиты от эксплуатации (Апариграха); гарантия защиты от унижения и нанесения ущерба достоинству (Авьяхичара); гарантия защиты от преждевременной смерти и болезни (Армитатва и Арогья) (там же). Но свободы человека должны быть дополнены добродетелями или моральными принципами. По мнению автора, свобода должна соответствовать целям спасения человека и его культуры «от надвигающегося бедствия, которое может уничтожить всю человеческую цивилизацию смертельным оружием науки и бесчеловечными роботами деспотических и тиранических властей с их идеологиями и убеждениями» (там же).

В европейской культуре свобода становится центральным понятием и базовой ценностью в эпоху Возрождения, характеризуя человека как источник и причину своих решений и действий, а в широком смысле — как универсалию культуры, фик-

сирующую возможность деятельности и поведения в условиях отсутствия внешнего целеполагания (Энциклопедия эпистемологии ... : Электронный ресурс). Эпоха Возрождения дает общеевропейский старт борьбе за индивидуальную свободу — борьбе с природой, с абсолютной властью и церковью, а новое капиталистическое общество позиционируется как общество свободы и равных возможностей, в котором человек достигает всего благодаря лишь личным качествам — силе воли и упорству, труду и таланту.

В середине XX в. Исайя Берлин переводит проблему свободы в политическую область: «Политическая свобода в этом смысле и есть та область, в рамках которой человек может действовать, не подвергаясь вмешательству со стороны других» (Берлин, 1998: 19). Он же отмечает, что «"позитивное" и "негативное" понятия свободы исторически развивались в расходящихся направлениях и не всегда логически правильными шагами, пока в конце концов не пришли в прямое столкновение друг с другом» (там же: 22).

Попытка дать научное определение свободы использует достижения кибернетики, и тогда оно выглядит так: «Свобода — сумма максимально возможных состояний системы минус сумма наложенных на нее ограничений» (Емельянов-Хальген, 2016: Электронный ресурс). Но и в таком определении возникает вопрос: что можно рассматривать в качестве системы — индивида, народ или все человечество? «Именно поэтому и не существует некоей универсальной свободы, при которой равно свободны и индивидуум, и народ, частью которого он является, и цивилизация, в которую этот народ входит» (там же). Можно согласиться с данным выводом, поскольку проведенный анализ понятия свободы указывает на его явную связь с эпохой, особенностями национального характера и базовыми ценностями культуры. Но можно представить некую вневременную шкалу диапазона свободы и ее динамику.

ЭВОЛЮЦИЯ СВОБОДЫ

В предложенных определениях свобода рассматривается как имеющая широкий диапазон степеней — от «разных степеней простора» до «необузданного произвола» или как сумма всевозможных состояний системы минус сумма ограничений. Осознавая этот диапазон, Фромм использовал как бы две крайности свободного действия человека — негативное («свобода-от») и позитивное («свобода-для»). «Один путь ведет его к "позитивной" свободе; он может спонтанно связать себя с миром через любовь и труд, через подлинное проявление своих чувственных, интеллектуальных и эмоциональных способностей; таким образом он может вновь обрести единство с людьми, с миром и с самим собой, не отказываясь при этом от независимости и целостности своего собственного Я. Другой путь — это путь назад: отказ человека от свободы в попытке преодолеть свое одиночество, устранив разрыв, возникший между его личностью и окружающим миром. Этот второй путь никогда не возвращает человека в органическое единство с миром, в котором он пребывал раньше, пока не стал "индивидом", — ведь его отделенность уже необратима, — это попросту бегство из невыносимой ситуации, в которой он не может дальше жить» (Фромм, 2006: 150).

Разрыв связей между личностью и окружающим миром, «первичных уз», как называет их Фромм, возникает в процессе эволюции. Первичные узлы «органичны — в том смысле, что являются естественным фактором нормального челове-

ского развития. Они предполагают отсутствие индивидуальности, но дают индивиду уверенность и жизненную ориентацию. Эти узы связывают ребенка с матерью, первобытного человека с его племенем и с природой, а средневекового с церковью и с его сословием» (там же: 39). Разрыв этих связей, по Фромму, означает индивидуализацию человека. «Относительно быстрый переход от внутриутробного к собственному существованию, обрыв пуповины обозначают начало независимости ребенка от тела матери» (там же). Человечество в процессе социальной эволюции и эволюции сознания разрушает первичные связи с природой, что сопровождается, с одной стороны, овладением ею, возрастанием роли разума и человеческой солидарности, но, с другой, усиливается чувство бессилия и ничтожности отдельного человека, отнимающее надежду на место в этом мире и осознание смысла жизни. «Эта отделенность от мира, который в сравнении с индивидуальным существом представляется ошеломляюще громадным, мощным — а иногда и опасным, угрожающим, порождает чувство беззащитности и тревоги» (там же: 43).

Библейский акт грехопадения предстает одновременно и как первый акт свободного позитивного выбора, начало человеческой истории, и как разрыв, нарушение божественного порядка и проявление негативной свободы. Отсюда рождается диалектика позитивной и негативной свободы как отражение двух глубинных потребностей человека — «иметь или быть». «При установке на обладание счастье заключается в достижении превосходства над другими, во власти над ними и в итоге в способности захватывать, грабить, убивать. При установке на бытие счастье — это любовь, забота о других, самопожертвование» (Фромм, 1998: 263). История человечества демонстрирует, что эпохи «свободы-для» кратковременны и существуют для узкого круга лиц, тогда как времена «свободы-от» становятся все шире, завоеывая умы и сердца.

УРОВНИ СИСТЕМЫ «СВОБОДА»

На наш взгляд, можно выделить три измерения системы «Свобода» — телесно-физическое (архетипическое), психосоциальное и духовно-культурное.

Телесно-физический уровень определяется тем, что в природе человека всегда присутствуют два комплекса бессознательных потребностей — физиологические (утоление голода, жажды, сон и т. д.) и потребность связи с окружающим миром, потребность избежать одиночества. Физиологические потребности определяют инстинкт самосохранения как первичный мотив человека, поэтому его неудовлетворенность при переходе некоего порога становится непереносимой, а стремление к удовлетворению всепоглощающим. Что касается социальной потребности в общении то, по мнению Фромма, «чувство полного одиночества ведет к психическому разрушению, так же как физический голод — к смерти» (Фромм, 2006: 33). Кроме физиологической предопределенности существует генетическая зависимость, так как генотип каждого человека определяется набором генов, полученных от отца и матери, т. е. связан с кровно-родственной доминантой. Таким образом, физиологические потребности, генетические предопределенности и социальные связи с Другим составляют базис ограничений свободы в широком смысле — как негативной, так и позитивной. Этот базис является абсолютным ограничением, которое невозможно избежать. Тогда *«телесная» свобода* предстает как разница между генетико-физиологическими возможностями и такого же рода ограничениями, т. е. фактически «освобождает» инстинкты. «В настоящее время действует

мощный проект, связанный с подменой свободы личности (разума) “свободой инстинкта”. Массированная пропаганда “учителей раскованности”, связанная с культом тела, защитой прав девиантных меньшинств, с легализацией мата, порнографии, наркотиков, не случайно вписана в либеральный “анти тоталитарный” проект» (Панарин, 2001: 84).

На следующем, *психосоциальном уровне*, согласно Фромму, и рождаются негативные тренды, олицетворяющие «бегство от свободы». Преобладающая в нашем мире «свобода-от» требует от человека стремления минимизировать ее негативные последствия за счет формирования поведения, обеспечивающего хоть какую-то безопасность. Но в итоге кажущаяся безопасность превращается во все более разрушительную силу, отнимающую свободу, которую так хотел получить человек. Фромм называет три способа «убегания» от свободы.

Авторитаризм как симбиоз мазохистских и садистских наклонностей членов общества «помогает индивиду избавиться от невыносимого чувства одиночества и бессилия» (Фромм, 2006: 161). Мазохист, стремящийся укрыться под покровом более сильного, «оказывается “свободным” в негативном смысле, то есть одиноким и стоящим перед лицом чуждого и враждебного мира» (там же), а садистская свобода, опирающаяся на жажду власти, также коренится не в силе, а в духовной слабости и неспособности жить своей силой. Симбиоз садизма и мазохизма создает такую зависимость, когда «в обоих случаях собственное Я исчезает» (там же: 168). Симбиотическое бессознательное «согласие» приводит на место явной власти власть анонимную. «У нее множество масок: здравый смысл, наука, психическое здоровье, нормальность, общественное мнение; она требует лишь того, что само собой разумеется» (там же: 176–177), а свое давление маскирует под «мягкое убеждение».

Разрушительность — второй способ «убегания от свободы». Он рождается из невыносимого чувства изоляции и бессилия, которые становятся источником тревоги и порождаемой ею скованности. Чем больше общество подавляет индивидуальное устремление к жизни, тем сильнее в нем тяга к разрушению. «*Разрушительность — это результат непрочитой жизни*» (курсив источника. — А. Г, Т. Г.) (там же: 192).

Автоматизирующий конформизм — еще один, третий, способ «убегания». Индивид полностью подчиняется общепринятым шаблонам и стремится стать точно таким, как остальные. «Псевдомышление» стирает различие между собственным Я и окружающим миром, как бы уничтожая страх перед одиночеством и собственным бессилием, формируя новый идеал жизни — жить и мыслить, не вкладывая в эти процессы глубоких эмоций. «Потреблять и наслаждаться» — девиз любого современного общества. Мышление массового человека стало плоским и убогим, а его эмоции, которые невозможно подавить окончательно, превращаются в примитивную сентиментальность. Сочетание цинизма и доверчивости, типичные для нашего времени, порождают страх собственных мыслей и решений. Одну из сильнейших эмоций человека, которая затрагивает корни личности во все времена, — страх смерти — Фромм называет «запретной» для нашего времени. Каждая культура прошлого предлагала свои выходы из проблемы смерти: древние греки представляли смерть как унылое продолжение жизни (но не Платон с его миром Идей); египтяне возлагали надежды на нетленность; евреи, а вслед за ними христиане и мусульмане, как замечает Фромм, утешают индивида обещанием жизни после

смерти (там же: 149). Для современного человека, лишённого утешительной возможности перехода из этой жизни в какую-то другую, страх смерти становится «одной из причин бедности наших переживаний, нашей безостановочной погони за жизнью» (там же: 150).

Результатом социальной эволюции последних 500 лет стало рождение человека, казалось бы, свободного от внешних оков и способного поэтому поступать по своей воле, если бы он знал, чего хочет, что на самом деле думает и чувствует. Бегство от негативной свободы не рождает уверенность и осознание своего пути, а, напротив, приводит к новым узам. Возникает порочный круг, который, как считает Э. Фромм, может быть преодолен только через изменение отдельного человека, утверждение собственной личности, творчество своего Я: «...человек может быть свободен, но не одинок, критичен, но не подавлен сомнением, независим, но неразрывно связан с человечеством» (там же: 261). А «*позитивная свобода состоит в спонтанной активности всей целостной личности человека*» (курсив источника. — А. Г., Т. Г.) (там же: 262). Возникает невольный вопрос: «А как добиться спонтанной активности, если все обстоятельства окружающей жизни препятствуют этому?»

Оптимистический сценарий духовного развития, согласно выдающемуся психоаналитику, был возможен, «если бы история Европы продолжалась в духе XII столетия, если бы в ней медленно, но поступательно развивался дух научного познания и индивидуализма» (Фромм, 1998: 318). Но все пошло не так: разум превратился в манипулятивный интеллект, а индивидуализм — в эгоизм. Можно согласиться с Фроммом в том, что человечество отказалось от реализации потенциала духовной свободы.

Настоящая реализация свободы возможна только на *духовном уровне*, когда замыкается триединство «Творчество ↔ Поиск истины ↔ Поиск смысла», в котором существование одного состояния без другого невозможно, а связи между ними имеют бесконечное количество степеней свободы. Вся человеческая культура является отражением бесконечного поля свободы духовной жизни. «Попытки провести различие между культурой и духовной жизнью бессмысленны» (Лоренц, 1998: 397). Творчество — неотъемлемое свойство свободного духа, а продукт творчества духовен.

Рассмотрим диапазон свободы в каждом из трех выделенных состояний духа. Творчество — объективный процесс, осуществляемый через человеческую субъективность и опосредованный присущей ей свободой воли. Поэтому творчество может быть разным, как имеющим ценность для общества, так и не имеющим его (но, безусловно, важным для самого творца). Еще одна линия координат — *творчество, имеющее внешние формы*, — искусство, философия, наука и техника, и *творчество*, направленное на самосовершенствование, — самосозидание, творчество себя, самотворчество на пути к Богу. Внешние формы творчества во многом задаются обществом, поэтому, если оно сворачивает с эволюционного пути, то как бы обретает отрицательный смысл — антитворчества, «вытворения». Преградой духовной энтропии мира может стать только личное духовное усилие каждого из членов общества, в сумме строящего новый вектор развития.

Что касается поиска смысла, то его реализация может быть осознаваемой или безотчетной, которую можно назвать «традиционным, или телесным смыслом» — работа, семья, родина. О возможности гармонии или диссонансе телесного и ду-

ховного смыслов А. Ф. Лосев писал так: «Или жизнь согласно с родным и всеобщим, с Родиной, и тогда она — самоотречение, или жизнь вне связи с родным и всеобщим, с Родиной, и тогда она — бессмыслица» (Лосев, 1994: 126). Гармония телесного и духовного смыслов рождает ощущение внутренней свободы как реализации смысла космического целого (это осознавалось и 2000 лет назад — античными стоиками, и совсем недавно — русскими космистами). Гипертрофия одних телесных смыслов породила безумие современного общества потребления, выражающееся в бесконечном давлении на все — на природу, другого человека, другой народ.

Поиск подлинного смысла требует огромной духовной работы, поэтому он — редкость в пространстве телесных смыслов: «Несколько идеальных судеб, несколько интеллектуальных или нравственных гениев или даже единичная такая личность, появляясь время от времени, могут вполне оправдать существование человечества в целом» (Франк, 1997: 186). Даже если смысл жизни один на всех, у каждого «свой, неповторимый жизненный курс, следуя которым мы можем реализовать свои личные, только нам данные возможности» (там же: 184). Свободное поле духовного «онтогенеза» таково: *Осознание индивидуальной души → Становление духовной личности → Обретение и реализация смысла жизни*. Между его уровнями существует контур положительной обратной связи: чем сильнее духовная личность, тем она яснее сознает смысл жизни, а уверенность в смысле ведет к дальнейшему укреплению личности.

Свободу в полной мере осознала античная философия в рамках триединства «Творчество ↔ Поиск истины ↔ Поиск смысла». «Философия есть творчество», в то же время «философия всегда стремится постигнуть смысл мира... Основное предположение всякой подлинной философии — это предположение о существовании *смысла* и постижимости смысла» (курсив источника. — А. Г., Т. Г.) (Бердяев, 1994: 53, 54). Для постижения смысла нужен человек особого целеустремления, способный подготовить себя к такому творчеству. Античные философы разработали системы самоподготовки к философствованию, которые в разных школах имели разные параметры, но в целом античное «поле» самоизменения имело две «координаты» регуляции — тело и душу (разумность как высшее ее свойство относилось к душе), а способы регуляции были двоякого типа: одни направлены на ограничение, другие — на развитие. Ограничения для тела — в еде, питье, похоти и т. п., для развития — гимнастика. Ограничения для души — желаний и страстей, для развития — самообладание (Горелов, Горелова, 2021). Таким образом, античная свобода рождалась как результат стремления к развитию разума, при этом опиралась на строгую систему телесных ограничений. Эти духовные и телесные практики в определенной степени соотносятся с аналогичными практиками в восточных религиях и философиях (например, философия йоги).

Двухмерная античная картина человеческой жизни была преодолена христианским представлением о наличии третьего измерения — Божьего, «пневмы». Если языческая пневма всегда оставалась в рамках чувственно-материального мира, то уже в раннем христианстве ее «стали понимать как такую личность, которая выше всякого чувственно-материального космоса, нисколько в нем не нуждается и от него не зависит, а, наоборот, является его создателем, его творцом» (Лосев, 1994: 300).

Историческое размежевание христианства привело к различным трактовкам целей: «Роль высшего авторитета в католичестве принадлежит папе и курии, в про-

тестантизме — теологам, а в православии — аскетам, людям мистического опыта и святой жизни» (Хоружий, 2000: 181). Средневековыми монахами-исихастами создана духовная практика внутреннего самодвижения как восхождения на фоне телесных ограничений: «покаяние (перемена ума) и обращение — борьба со страстями — исихия (спокойствие, молчание, уединение, тишина) — сведение ума в сердце — непрерывная молитва — бесстрастие — чистая молитва — обожение» (там же: 241). Методологические этапы данного духовного процесса отличались от всего того, что было создано ранее: это осознанное восхождение за счет синергии человеческих энергий с божественной. Предельная антиномия исихастской практики лежит в диапазоне между требованиями точности аскетической техники и спонтанности энергетических переходов, которые проявляются как ступени Лестницы Духа. Это в определенной степени соответствует гностической традиции в христианстве и наследующей ей европейской и русской философии (прежде всего, немецкая классическая философия и ее рецепция в России).

В отличие от исихастского проекта духовности как устремления к выходу за рамки Я и соединения человеческих и божественных энергий, согласно Э. Фромму, наследующему в этом отношении раннему Марксу, духовная свобода рождается из творческого самосозидания, внутреннего поиска, для которого человеку достаточно «осознавать себя как активную творческую личность и понимать, что у жизни есть лишь один смысл — сама жизнь» (Фромм, 1998: 266). На тему такого выбора сложно спорить: каждый сам решает, как создать неизреченное состояние свободы.

О ЕВРОПЕЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СВОБОДЕ И РУССКОЙ ВОЛЕ

Слово «свобода» существует в большинстве языков, но его содержание определяется культурными контекстами эпохи и цивилизации. В качестве сравнения приведем здесь ярко проявленные культурные архетипы и подтексты смыслов этого понятия в европейской и русской культурах. Мы исходим из того факта, что свобода в любых ее интерпретациях является глубинной ценностью обеих цивилизаций, более того, составляет их культурный архетип, т. е. социокультурный императив, который входит в ядро цивилизации и «прорастает» через многовековые пласты истории, отражая особенности национального характера. Наиболее точное определение национального характера дает Э. Фромм: «Социальный характер можно определить как специфический способ, с помощью которого энергия направляется в определенное русло; отсюда следует, что если энергия большинства людей данного общества канализируется в одном и том же направлении, то они обладают одной и той же мотивацией, и, больше того, они восприимчивы к одним и тем же идеям и идеалам» (Фромм, 1992: 126). Согласно К. Юнгу, в определенной ситуации архетип, в том числе и социальный, активизируется и развивается, а его «принудительность, которая подобна силе инстинкта, прокладывает себе дорогу вопреки разуму» (Юнг, 1991: 128). В силу этих обстоятельств национальный характер как бы входит в духовное ядро цивилизации и гораздо более устойчив, чем экономическая и политическая составляющие.

Европейское понимание свободы как нормы социальной жизни рождается в эпоху становления европейских наций, воодушевленных идеологией либерализма и европоцентризма. Эпоха Просвещения «выстраивает наиболее *последова-*

тельную линию на отстаивание социального и политического равенства» (курсив источника. — А. Г., Т. Г.) (Канарш, 2024: 136). Базовыми ценностями европейской цивилизации становятся демократия, гражданское общество, опирающиеся на «свободу, равенство, братство» отдельно взятых индивидов. «Вызванная ограниченностью пространства стесненность жизни в Западной Европе, четкие контуры ландшафта, отнюдь не уходящего в безграничную даль, как в России, способствуют выработке определенных правил, обязательных для всех и служащих упорядочению общественной жизни. Это стремление к упорядоченности не нуждается в том, чтобы быть предписанным или навязанным “сверху”. Оно рождается стихийно в массе рядовых жителей и тружеников западноевропейских обществ» (Шаповалов, 2003: 26). В выработке соответствующих институтов западного общества большую роль сыграл капитализм с его требованиями рациональности общественной и экономической жизни, но можно предполагать, что немалое значение имел и менталитет западного человека, от природы приверженного строгому порядку и дисциплине (см., напр.: Канарш, 2020).

Поэтому идеалом такой организации общества становится человек, который не только осознает, что такое свобода как норма социума, но и жить не может без гражданских прав и свобод, среди которых явно доминируют право собственности и юридически регламентированная свобода индивидуального выбора. Сущность европейской свободы — следование нормам и правилам (юридическим, культурным, моральным) и соблюдение запретов и границ дозволенного. Свобода как норма имеет, таким образом, институциональный характер и очевидное социально объективированное выражение. Как ни удивительно, это роднит западное капиталистическое общество с его строгими правовыми ограничениями с конфуцианской цивилизацией, тоже приверженной строгим правилам, но не правовым, а этическим.

Именно такое «освобождение» в конечном счете приводит к тому, что Фромм называет «бегством от свободы». Возникают подмены: «мягкая сила» идеологии и власти принуждает к как бы свободе выбора — точки зрения (под влиянием СМИ), профессии (по престижу), президента и парламента (из двух альтернатив), здорового образа жизни (под влиянием фармкомпаний) и т. д.

Русский архетип свободы рождается из бескрайности — пространства, психологии и духа народа. «Есть соответствие между необъятностью, безгранностью, бесконечностью русской земли и русской души, между географией физической и географией душевной. В душе русского человека есть такая же необъятность, безграничность, устремленность в бесконечность, как и в русской равнине. Поэтому русскому народу трудно было овладеть этими пространствами и оформить их. У русского народа была огромная сила стихии и сравнительная слабость формы» (Бердяев, 1990: 44). В отличие от рациональной западной души базовой чертой русского национального характера, согласно Б. П. Вышеславцеву, который повторяет афоризм Ф. И. Тютчева «умом Россию не понять», является «непонятность, иррациональность поступков и решений» (Вышеславцев, 1995: 112). Н. А. Бердяев называет эту «непонятность» двойственностью и указывает ее истоки: «Два противоположных начала легли в основу формации русской души: природная, языческая, донистическая стихия и аскетически монашеское православие» (Бердяев, 1990: 52). Именно в силу широты и двойственности русской души свобода понимается как воля без ограничений.

«...Никто не может оспаривать русскости “воли”. Тем необходимее отдать себе отчет в различии воли и свободы для русского слуха. Воля есть прежде всего возможность жить, или пожить, по своей воле, не стесняясь никакими социальными узами, не только цепями. Волю стесняют и равные, стесняет и мир. Воля торжествует или в уходе из общества, на степном просторе, или во власти над обществом, в насилии над людьми. Свобода личная немислима без уважения к чужой свободе; воля — всегда для себя. Она не противоположна тирании, ибо тиран есть тоже вольное существо» (Федотов, 1991: 228). Поэтому в социальном смысле так ощущаемая свобода проявляется либо как анархия, либо как тирания. Ограничение полярности русской воли возможно только как духовный акт — самоотдачи и жертвенности. Сегодня же (как и в прошлые века) преобладает иной путь — авторитарно-бюрократический (этатистский).

Конечная цель и блаженное упование русской души, считает немец В. Шубарт, — «добиться всеединства путем полной самоотдачи. <...> Англичанин хочет добычи, француз — славы, немец — власти, русский — жертвы» (Шубарт, 2003: 38, 415). «Подвиг самопожертвования — русский подвиг. А прощение и уничтожение — русские черты», — вторит ему русский философ (Бердяев, 1990: 47). Поэтому «высшим состоянием свободы для русского культурного архетипа является то, что именуется идеалом, областью должного, а в религиозном смысле — Сверхидеалом, Сверх-должным, и потому труднодостижимым, редким для осуществления в обычной жизни» (Грибунин, Мельничук, 2014: 180). Все эти идеи приобретают особенную актуальность в наше время беспринципности, нравственного эгоизма и потребительства.

Такое высшее состояние свободы, основанием которой является «воля к духу», как называет это устремление И. Ильин, — «желание самому вести духовную жизнь и обеспечивать ее другим» (Ильин, 1994: 240). В социальном контексте духовно свободный человек должен и может прилагать эту свободу к делу создания духовного общества, поскольку может стать проводником социализации иного типа: «Святые столпники неподвижным подвигом двигают народные массы, и темные пещеры отшельников светят всему миру» (Соловьев, 1883: 41).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Колебания духовной и телесной свободы в разные эпохи и в разных цивилизациях создают в целом определенную закономерность — образ *«качелей духа и тела»*: чем сильнее человек устремляется к телесной свободе, тем более ограниченной становится его духовная жизнь — телесная перекаладина качелей взлетает сама по себе, опуская духовную в низшее положение. Для подъема духовной перекаладины необходима работа по ограничению тела, которая может быть осуществлена только творческим духом, и эта работа целесообразна, потому что открывает человеку его духовную глубину. В силу этого духовная «бездвижность» не бесконечна: тяга к раскрытию духовной тайны рано или поздно заставляет разрушить потребительскую повседневность и шагнуть в неизведанное.

Современное человечество фактически ставит на себе глобальный эксперимент, сменив за последние 100 лет образ Человека разумного на Человека потребляющего. Глобальное «разбожествление» мира, начавшееся в западной культуре конца XVIII в., прошло путь от «преодоления понимания Бога как личности в представлении о божественности» до «замены принципа абсолюта принципом

плюральности, а трансцендентного измерения Бога — имманентным» (Ростова, 2017: 281). Движение в сторону «телесного освобождения» «поочередно вытесняло Бога из политики, из нравственности, из искусства и познания» (там же: 309). Разбожествление не дало человеку ощущения внутреннего освобождения. «Бог умер», и вместе с ним исчезло то пространство человеческого, что и делает человека человеком. Телесно живущий все дольше, человек теперь болен духовно. Рожденным еще в Античности «лекарством» от духовных болезней был «выход из повседневности», совершаемый одиночками, но на виду у всех. Ныне нет традиционных ниш для такого «выхода», есть только личный свободный выбор, который в социальном ракурсе предстает как исключение, жизненный эксперимент над собой. Утерявший Бога, но не потерявший желания верить, человек пытается противопоставить атеистической свободе новые версии духовного пути, базовые контуры которого исторически «отработаны»: его смысл — Предстояние, его истина — Любовь, его механизм — соединение человеческих энергий с энергией Божественной, его свобода — обращение к глубинной способности человека — «творчеству творчества».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бердяев, Н. А. (1989) *Философия свободы* // Бердяев, Н. А. *Философия свободы. Смысл творчества*. М. : Правда. 607 с.
- Бердяев, Н. А. (1990) *Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века* // *О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья* / отв. ред. Е. М. Чехарин. М. : Наука. С. 43–271.
- Бердяев, Н. А. (1994) *Смысл творчества* // Бердяев, Н. А. *Философия творчества, культуры и искусства* : в 2 т. / вступ. ст., сост., примеч. Р. А. Гальцевой. Т. 1. М. : Искусство ; ИЧП «Лига». 541 с.
- Берлин, И. (1998) *Две концепции свободы* // *Современный либерализм*: Ролз, Берлин, Дворкин, Кимлика, Сэндел, Тейлор, Уолдрон. М. : Дом интеллектуальной книги ; Прогресс-Традиция. 248 с. С. 19–43.
- Библия: Тематический словарь (2005) [Электронный ресурс]. URL: <https://znachenie-slova.ru/%D1%81%D0%B2%D0%BE%D0%B1%D0%BE%D0%B4%D0%B0> (дата обращения: 12.12. 2024).
- Войно-Ясенецкий, В. Ф. (Святитель Лука) (2006) *Дух, душа и тело*. М. : Даръ. 320 с.
- Вышеславцев, Б. П. (1995) *Русский национальный характер* // *Вопросы философии*. №6. С. 112–121.
- Горелов, А. А., Горелова, Т. А. (2021) *Самотворчество как жизненная стратегия* : монография. М. : Русайнс. 186 с.
- Грибунин, В. В., Мельничук, Е. А. (2014) *Диалектика свободы в русском культурном архетипе* // *Ученые заметки ТОГУ*. Т. 5. № 1. С. 169–181.
- Дубкова, О. В. (2021) *Свобода по-китайски: анализ концепта свобода в китайской лингвокультуре* [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/svoboda-po-kitayski-analiz-kontsept-a-svoboda-v-kitayskoj-lingvokulture/viewer> (дата обращения: 12.03.2025).
- Емельянов-Хальген, А. (2016) *Основы свободы* [Электронный ресурс]. URL: <https://proza.ru/2016/06/13/2110> (дата обращения: 12.02.2025).
- Ильин, И. А. (1994) *О патриотизме* // *Собр. соч.* : в 10 т. М. : Русская книга. Т. 4. 624 с. С. 240–258.
- Канарш, Г. Ю. (2024) *У истоков проблемы равенства*. Ч. 3 // *Знание. Понимание. Умение*. № 3. С. 120–140. DOI: 10.17805/zpu.2024.3.9.
- Канарш, Г. Ю. (2020) *Справедливость, демократия, капитализм: пути модернизации России в XXI веке*. М. : Ленанд. 304 с.

- Лоренц, К. (1998) *Оборотная сторона зеркала*. М. : Республика. 492 с.
- Лосев, А. Ф. (1994) *История античной эстетики: Итоги тысячелетнего развития : в 2 кн. Кн. 2*. М. : Искусство. 604 с.
- Панарин, А. С. (2001) *Политология*. М. : Проспект. 407 с.
- Пунтамбекер, Ш. В. (2018) *Индусская концепция свобод человека* [Электронный ресурс]. URL: <https://courier.unesco.org/ru/articles/indusskaya-konserciya-svobod-cheloveka> (дата обращения: 12.02.2025).
- Ростова, Н. Н. (2017) *Изгнание Бога. Проблема сакрального в философии человека : монография*. М. : Проспект. 432 с.
- Соловьев, В. С. (1883) *Великий спор и христианская политика*. М. : Тип. М. Н. Лаврова и К^о. 260 с.
- Толковый словарь Даля [Электронный ресурс]. URL: <https://gufo.me/dict/dal/svoboda?usclid=maxtjtterq672287529> (дата обращения: 12.12.2024).
- Федотов, Г. П. (1991) *Судьба и грехи России : в 2 т. / сост., вступ. ст. с. 3–38, примеч. В. Ф. Бойкова*. СПб. : София. Т. 1. 350 с.
- Франк, С. Л. (1997) *Реальность и человек*. М. : Республика. 479 с.
- Фромм, Э. (1992) *Душа человека*. М. : Республика. 430 с.
- Фромм, Э. (1998) *Иметь или быть?; Психоанализ и религия; Искусство любить* / пер. Н. Петренко, О. Иванчук. Киев : Ника-Центр, 1998. 400 с. С. 189–379.
- Фромм, Э. (2006) *Бегство от свободы. Человек для себя : пер. с англ. / М. : АСТ ; АСТ МОСКВА*. 571 с.
- Хоружий, С. С. (2000) *О старом и новом*. СПб. : Алетейя. 477 с.
- Шаповалов, В. Ф. (2003) *Истоки и смысл российской цивилизации : учеб. пособие для вузов*. М. : ФАИР-ПРЕСС. 621 с.
- Шубарт, В. (2003) *Европа и душа Востока*. М. : Эксмо. 480 с.
- Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона [Электронный ресурс]. URL: <https://gufo.me/dict/brockhaus/%D0%A1%D0%B2%D0%BE%D0%B1%D0%BE%D0%B4%D0%B0> (дата обращения: 12.12.2024).
- Энциклопедия эпистемологии и философии науки [Электронный ресурс]. URL: <https://gufo.me/dict/ozhegov/%D1%81%D0%B2%D0%BE%D0%B1%D0%BE%D0%B4%D0%B0> (дата обращения: 12.12.2024).
- Этимологический словарь Семенова [Электронный ресурс]. URL: <https://gufo.me/dict/semenov/%D1%81%D0%B2%D0%BE%D0%B1%D0%BE%D0%B4%D0%B0> (дата обращения: 12.12.2024).
- Юнг, К. Г. (1991) *Архетип и символ* / пер. с нем. ; предисл. А. М. Руткевича. С. 5–22 ; примеч. В. М. Бакусева и др. М. : Ренессанс. 304 с.

Дата поступления: 29.03.2025 г.

*ON THE FINAL POINT OF THE «ESCAPE FROM FREEDOM»
OF MODERN HUMANITY*

A. A. GORELOV

RAS INSTITUTE OF PHILOSOPHY,

T. A. GORELOVA

MOSCOW UNIVERSITY FOR THE HUMANITIES

The article examines the problem of freedom on the basis of its production in the work of E. Fromm “Escape from Freedom” (1941). E. Fromm’s reflections on the topic of freedom arouse interest in this problem in decades. The concept of “freedom” does not have unambiguous philosophical interpretations. By origin, it goes back to the Indo-European basis *se-, sue-* (one’s own, oneself). In the Bible, freedom is considered in two aspects: in the social — as liberation from slav-

ery and in the spiritual — as the inner liberation of man. The article examines the differences in the understanding of freedom in European and Russian culture.

According to E. Fromm, humanity in the process of social evolution and the evolution of consciousness destroys primary ties with nature, which is accompanied, on the one hand, by its mastery, an increase in the role of reason, but, on the other, by a growing feeling of powerlessness and insignificance of an individual. The authors of the article distinguish three dimensions of the “Freedom” system — bodily-physical (archetypal), psychosocial and spiritual-cultural. “Bodily” freedom appears as a difference between genetic and physiological capabilities and the same kind of restrictions. At the psychosocial level, according to Fromm, negative trends are born that personify “flight from freedom” — authoritarianism, destructiveness, automating conformism. The real realization of freedom is possible only on the spiritual level, when the trinity “Creativity — Search for Truth — Search for Meaning” is closed, in which the existence of one state without another is impossible, and the connections between them have an infinite number of degrees of freedom.

Fluctuations in spiritual and bodily freedom in different eras and in different civilizations generally create the image of the “swing of spirit and body”: the stronger a person rushes to bodily freedom, the more limited his spiritual life becomes — the bodily crossbar of the swing takes off on its own, lowering the spiritual one to a lower position.

Keywords: bodily, psychosocial and spiritual freedom; creativity; meaning; truth; self-creation

REFERENCES

- Berdyaev, N. A. (1989) *Filosofiya svobody*. In: Berdyaev, N. A. *Filosofiya svobody*. *Smy'sl tvorchestva*. Moscow, Pravda. 607 p. (In Russ.).
- Berdyaev, N. A. (1990) Russkaya ideya. Osnovny`e problemy` russkoj my`sli XIX veka i nachala XX veka. In: *O Rossii i russkoj filosofskoj kul'ture. Filosofij` russkogo posleoktyabr'skogo zarubezh'ya* / ed. by E. M. Chexarin. Moscow, Nauka. Pp. 43–271. (In Russ.).
- Berdyaev, N. A. (1994) *Smy'sl tvorchestva*. In: Berdyaev, N. A. *Filosofiya tvorchestva, kul'tury i iskusstva* : in 2 vols. / ed. by R. A. Gal'ceva. V. 1. Moscow, Iskusstvo ; IChP «Liga». 541 p. (In Russ.).
- Berlin, I. (1998) Dve koncepcii svobody`. In: *Sovremennyj liberalizm: Rolz, Byorlin, Dvor-kin, Kimlika, Se`ndel, Tejlor, Uoldron*. Moscow: Dom intellektual'noj knigi, Progress-Tradiciya. 248 p. Pp. 19–43. (In Russ.).
- Bibliya : Tematicheskij slovar` (2005) [online]. Available at: <https://znachenie-slova.ru/%D1%81%D0%B2%D0%BE%D0%B1%D0%BE%D0%B4%D0%B0> (accessed: 12.12.2024). (In Russ.).
- Vojno-Yasenczkij, V. F. (Svyatitel` Luka) (2006) *Dux, dusha i telo*. Moscow, Dar`. 320 p. (In Russ.).
- Vy`sheslavcev, B. P. (1995) Russkij nacional'nyj` xarakter. *Voprosy` filosofii*, no. 6, pp. 112–121. (In Russ.).
- Gorelov, A. A., Gorelova, T. A. (2021) *Samotvorchestvo kak zbiznennaya strategiya*. Moscow, Rusajns. 186 p. (In Russ.).
- Gribunin, V. V., Mel`nichuk, E. A. (2014) Dialektika svobody` v russkom kul`turnom arxetipe. *Ucheny`e zametki TOGU*, vol. 5, no. 1, pp. 169–181. (In Russ.).
- Dubkova, O. V. (2021) *Svoboda po-kitajski: analiz koncepta svoboda v kitajskoj lingvokul'ture* [online]. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/svoboda-po-kitajski-analiz-kontseptasvoboda-v-kitajskoj-lingvokulture/viewer> (accessed: 12.03.2025). (In Russ.).
- Emel`yanov-Xal'gen, A. (2016) *Osnovy` svobody`* [online]. Available at: <https://proza.ru/2016/06/13/2110> (accessed: 12.2.2025). (In Russ.).
- Il'in, I. A. (1994) O patriotizme. In: *Sobranie sochinenij* : in 10 vols. Moscow, Russkaya kniga. Vol. 4. 624 p. Pp. 240–258. (In Russ.).
- Kanarsh, G. Yu. (2024) U istokov problemy` ravenstva. Ch. 3. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 3, pp. 120–140. DOI: 10.17805/zpu.2024.3.9. (In Russ.).

Kanarsh, G. Yu. (2020) *Spravedlivost', demokratiia, kapitalizm: puti modernizatsii Rossii v XXI veke*. Moscow, Lenand. 304 p.

Lorencz, K. (1998) *Oborotnaya storona zerkala*. Moscow, Respublika. 492 p.

Losev, A. F. (1994) *Istoriya antichnoj e`stetiki: Itogi ty`syacheletnego razvitiya : In 2 books*. Book. 2. Moscow, Iskusstvo. 604 p. (In Russ.).

Panarin, A. S. (2001) *Politologiya*. Moscow, Prospekt. 407 p. (In Russ.).

Puntambekar, Sh. V. (2018) *Indusskaya koncepciya svobod cheloveka* [online]. Available at: <https://courier.unesco.org/ru/articles/indusskaya-koncepciya-svobod-cheloveka> (accessed: 12.2.2025). (In Russ.).

Rostova, N. N. (2017) *Izgnanie Boga. Problema sakral'nogo v filosofii cheloveka*. Moscow, Prospekt. 432 p. (In Russ.).

Solov'ev, V. S. (1883) *Velikij spor i xristianskaya politika*. Moscow, Tip. M. N. Lavrova i K^o. 260 p. (In Russ.).

Tolkovyj slovar` Dalya [online]. Available at: <https://gufo.me/dict/dal/свобода?ysclid= maxtjtjterq672287529> (accessed: 12.12.2024). (In Russ.).

Fedotov, G. P. (1991) *Sud'ba i grexi Rossii : in 2 vols.* / ed. by V. F. Bojkova. St.-Petersburg, Sofiya. Vol. 1. 350 p. (In Russ.).

Frank, S. L. (1997) *Real'nost' i chelovek*. Moscow, Respublika. 479 p. (In Russ.).

Fromm, E. (1992) *Dusha cheloveka*. Moscow, Respublika. 430 p. (In Russ.).

Fromm, E. (1998) *Imet' ili byt'?: Psixoanaliz i religiya; Iskusstvo lyubit`* / transl. by N. Petrenko, O. Ivanchuk. Kiev, Nika-Centr. 400 p. (In Russ.).

Fromm, E. (2006) *Begstvo ot svobody`. Chelovek dlya sebya* / trans. from English. Moscow, ACT; ACT MOSKVA. 571 p. (In Russ.).

Xoruzhij, S. S. (2000) *O starom i novom*. St.-Petersburg, Aletejya. 477 p. (In Russ.).

Shapovalov, V. F. (2003) *Istoki i smysl rossijskoj civilizacii : ucheb. posobie dlya vuzov*. Moscow, FAIR-PRESS. 621 p. (In Russ.).

Shubart, V. (2003) *Evropa i dusha Vostoka*. Moscow, E`ksmo. 480 p. (In Russ.).

E`nciklopedicheskij slovar` Brokgauza i Efrona [online]. Available at: <https://gufo.me/dict/brockhaus/%D0%A1%D0%B2%D0%BE%D0%B1%D0%BE%D0%B4%D0%B0> (accessed: 12.12.2024). (In Russ.).

E`nciklopediya e`pistemologii i filosofii nauki [online]. Available at: <https://gufo.me/dict/ozhegov/%D1%81%D0%B2%D0%BE%D0%B1%D0%BE%D0%B4%D0%B0> (accessed: 12.12. 2024). (In Russ.).

E`timologicheskij slovar` Semenova [online]. Available at: <https://gufo.me/dict/semenov/%D1%81%D0%B2%D0%BE%D0%B1%D0%BE%D0%B4%D0%B0> (accessed: 12.12.2024). (In Russ.).

Yung, K. G. (1991) *Arxetip i simvol* / transl. from German; ed. by A. M. Rutkevich. Moscow, Renessans. 304 p. (In Russ.).

Submission date: 29.03.2025.

Горелов Анатолий Алексеевич — доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН. Адрес: 119842, Российская Федерация, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12. Тел.: +7 (495) 697-91-28. Эл. адрес: Gorelovata@mail.ru

Горелова Татьяна Анатольевна — доктор философских наук, профессор кафедры философии, культурологии и политологии Московского гуманитарного университета. Адрес: 111395, Российская Федерация, г. Москва, ул. Юности, 5. Тел.: +7 (499) 374-55-11. Эл. адрес: Gorelo-vata@mail.ru

Gorelov Anatoly Alekseyevich, Doctor of Philosophy, Chief Researcher, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. Postal address: 12, Goncharnaya St., Moscow, Russian Federation, 119842. Tel.: +7 (495) 697-91-28. E-mail: Gorelovata@mail.ru

Gorelova Tatyana Anatolyevna, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy, Sociology and Cultural Studies, Moscow University for the Humanities. Postal address: 5, Yunosti St., Moscow, Russian Federation, 111395. Tel.: +7 (499) 374-60-21. E-mail: Gorelovata@mail.ru

DOI: 10.17805/zpu.2025.2.6

Миры бытия человека: материальный мир, мир идеального, виртуальный мир

Ю. В. ОЛЕЙНИКОВ

Институт философии РАН

Основываясь на исследовании, результаты которого были опубликованы в журнале «Знание. Понимание. Умение» в 2024–2025 гг. (Олейников Ю. В. «О трудной проблеме сознания»: в 3 ч.), в этой статье мы попытаемся создать систему понятий, которые помогут описать сложные феномены современного бытия человека и общества. Среди этих явлений — мир, материальный мир, объективная реальность, идеальное, мир идеального, виртуальная реальность и другие аспекты бытия человека и общества в современном мире. Подобная работа представляется чрезвычайно актуальной, поскольку должна способствовать не только решению собственно эпистемологических проблем философского познания, но и более практически значимых — мировоззренческих представлений о месте и роли человека в природе и обществе, путей и перспектив эволюции социальной формы бытия планетарного социоприродного Универсума.

Ключевые слова: реальность; объективная реальность; материя; материальный мир; идеальное; идеальный мир; виртуальная реальность; виртуальный мир; понятие; образ; представление

ВВЕДЕНИЕ

В первой половине XX в. человечество вступило в качественно новый этап своего исторического развития. Начало коренного изменения бытия планетарного социоприродного Универсума, несомненно, ознаменовалось эпохальным научным открытием — созданием А. Эйнштейном теории относительности, положившим начало каскаду прорывных научных достижений в целом ряде фундаментальных наук: физике (квантовая теория), химии (синтезирование искусственных веществ), биологии (генетика), технических науках (нанотехнологии) и др. Процесс беспрецедентного развития науки неуклонно нарастал в течение всего последующего времени. В соответствии с прогнозами авторитетных ученых в последние годы этот процесс вступил в полосу стремительного ускорения. Он ведет к неминуемому наступлению момента некой сингулярности, когда в результате роста научного знания, технологического развития и социальных трансформаций человечество столкнется с бесконечным множеством точек бифуркации эволюции планетарного социоприродного целого (Олейников, 2021: 85–95). Этот исторический тренд чреват тем, что естественные когнитивные способности человека окажутся недо-